

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

В ОПАСНОСТИ

ФЛИНН БЕРРИ

Флинн Берри
В опасности
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26720900
В опасности: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103294-4

Аннотация

Респектабельный городок неподалеку от Оксфорда потрясло жестокое убийство местной медсестры Рейчел, заколотой в собственном доме...

А ее сестре Норе, приехавшей из Лондона, начинает казаться, что полиция работает спустя рукава – будто не особенно стремится найти преступника.

Отчаявшись добиться толка от представителей закона и руководствуясь единственной зацепкой – фразой Рейчел о том, что в городке творится нечто странное, – Нора решает провести собственное расследование.

И в своей неистовой жажде найти виновного даже не подозревает, сколько скелетов ей предстоит вытащить из чужих шкафов и сколько опасных тайн раскрыть....

Содержание

Часть 1. «Охотники»	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	53
Глава 8	62
Глава 9	67
Глава 10	71
Глава 11	72
Глава 12	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Флинн Берри

В опасности

Flynn Berry

UNDER THE HARROW

© Flynn Berry, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

*Послушай, никакие уловки нам не помогут. Нам
отсюда не убежать, мы в безвыходном положении.
Клайв Стейплз Льюис.
«Исследуя скорбь»*

Часть 1. «Охотники»

Глава 1

В Ист-Райдинге пропала женщина. Она исчезла в местечке Гедон, где мы сами выросли. Когда Рэйчел об этом узнает, она подумает, что во всем виноват он.

На ветру поскрипывает вывеска паба «Сюрприз», изображающая изящный парусник на фоне зеленого моря. Заведение расположилось на тихой улочке в Челси. Закончив работу на Фин-стрит, я зашла сюда пообедать и выпить бокал белого вина. Я работаю помощником эксперта по ландшафтному дизайну, мы оформляем лужайки. Все они выглядят так, словно ими никто никогда не занимался.

На телеэкране корреспондент проходит через тот самый парк, где в последний раз видели пропавшую женщину. За пределами города по холмам рассредоточились полицейские с собаками. Можно рассказать об этом вечером Рэйчел, хотя это испортит мой визит к ней. Возможно, это не имеет отношения к тому, что произошло с ней самой. Может, этой женщине вообще никто не сделал ничего плохого.

Строители в доме напротив перекусили, побросали к ногам скомканную в шарики бумагу и теперь лениво развалились на ступеньках лестницы под холодными солнечными

лучами. Я могла бы уже отправиться на поезд в Оксфорд, но продолжаю сидеть в баре в пальто и шарфе, а детектив с вокзала в Галле тем временем опрашивает народ в надежде раздобыть нужную ему информацию о пропавшей.

Потом в новостях передают репортаж о шторме на севере страны, и я ухожу из бара, оставляя позади висящую вывеску, сворачивая на следующем углу в сторону Роял-Хоспитал-роуд. Я прохожу мимо ухоженных скверов Бертон-Корт, минуя агентство по продаже недвижимости. В Кенсингтоне домики яркие и солнечные. Сама я до сих пор живу в Килберне, в районе высоток, там, где лестничные пролеты всегда пахнут свежей краской и чайки пикируют рядом с балконами. Сада у меня нет, что вполне очевидно. Сапожник без сапог...

По Слоан-стрит едут черные такси. На стенах зданий отражаются неясные световые круги от окошек напротив. В витрине книжного магазина выложена целая стопка книг – демонстрируется новый перевод «Тысячи и одной ночи».

В одной из сказок волшебник пьет зелье из травы, которое приносит ему вечную молодость. Проблема в том, что эта трава растет только на вершине горы, и поэтому каждый год волшебнику приходится заманивать туда юношу. Скинь мне эту траву вниз, просит он молодого человека, а потом я поднимусь за тобой. И юноша послушно кидает ему траву. Чем история заканчивается, я уже не помню. Вот в чем проблема: я забываю окончание почти всех историй, кроме самой

важной – той, в которой говорится, что Шахерезада жива.

Несколько минут поездки на метро, и снова я выхожу на улицу, поднимаюсь по ступеням вокзала в Паддингтоне. Покупаю билет, а в «Уислстопе» беру бутылку красного вина.

На платформе уже гудит двигатель поезда. Я хочу, чтобы Рэйчел переехала жить в Лондон. «Тогда тебе не придется больше приезжать сюда», – говорит она, а я действительно люблю ее дом, старый фермерский дом, стоящий на невысоком холме, с двух сторон окруженный вековыми вязами. Шелест их листьев на ветру доносится в спальни на втором этаже. И ей нравится жить тут, в полном одиночестве. Два года назад она чуть не вышла замуж. «Еле-еле увернулась», – шутит Рэйчел.

Сидя в поезде, я прижимаюсь головой к спинке сиденья и смотрю, как за окошком мелькают зимние поля. В вагоне пусто, только несколько человек возвращаются домой пораньше из города на выходные. Небо серое, на горизонте виднеется пурпурная полоска. Здесь холодней, чем в городе. Это заметно по лицам людей, ждущих поезда на станциях. Тонкая струйка воздуха свистит через трещину в раме моего окошка. Поезд похож на светящуюся капсулу, путешествующую по местам угольных месторождений.

По улице вдоль моего вагона семят двое парней в куртках с капюшонами. Но я не успеваю доехать до них, они ловко перепрыгивают через невысокую стенку и исчезают где-то за обочиной. Поезд ныряет в туннель из плотной живой из-

городи. Летом в этом месте в вагоне свет становится зеленоватым и постоянно мерцает, как будто мы плывем под водой. Сейчас листвы нет, и поэтому освещение совсем не меняется. Я даже вижу птичек между веток, оплетенных лозами.

Несколько недель тому назад Рэйчел заявила, что собирается разводить коз. И добавила, что огромный боярышник, который растет у нее в саду, идеально подходит для того, чтобы козы на него забирались. Собака у нее уже есть, здоровая немецкая овчарка.

– А как же Фенно отнесется к твоим козам? – спросила я тогда.

– Наверное, просто спятит от счастья, – ответила она.

Интересно, а все козы умеют лазить по деревьям или только некоторые их виды? Я не поверила ей, пока она не показала мне фотографию, на которой коза ловко удерживала равновесие, стоя на ветке раскидистого кедра, а еще небольшая группа коз расположилась в ветвях белой шелковицы. Правда, ни на одной из фотографий нельзя было увидеть, каким именно образом козы туда забираются.

«С помощью копыт, Нора», – пояснила Рэйчел, хотя смысла в ее словах я так и не уловила.

По проходу движется женщина с тележкой, я покупаю батончик «Твикс» себе и «Аэро» для Рэйчел. Папа называл нас жадными девчонками. «Точней и не скажешь», – говорила Рэйчел.

Я наблюдаю за тем, как за окошком проносятся поля. Се-

годня вечером я расскажу ей о том, что собираюсь отправиться на учебу уже через два месяца, это будет в середине января. Двенадцать недель изучения литературы и искусства во Франции с полным проживанием и даже небольшой стипендией. Я подала заявку на участие, отправив свою пьесу, которую сочинила еще в университете и назвала «Женых-разбойник». Стыдно, конечно, что с тех пор ничего лучше я так и не написала, но сейчас это уже не имеет никакого значения, поскольку во Франции я обязательно сотворю что-то новое. Рэйчел порадует за меня и нальет нам по праздничному бокалу. А уже потом, за ужином, будет рассказывать мне всякие истории, которые случаются у нее на работе, а я ничего не скажу ей о пропавшей женщине в Йоркшире.

Поезд дает долгий и раскатистый гудок, когда проходит мимо меловых гор. Я пытаюсь припомнить, что именно собиралась приготовить на ужин Рэйчел. Я почти вижу, как она ходит по кухне, переставляя огромную миску с каштанами на край плиты. Кажется, это будет курица в вине и полента.

Рэйчел очень любит готовить, частично из-за своей работы. Она утверждает, будто ее пациенты постоянно заводят разговоры о еде, поскольку сами уже не могут есть все, что им хочется. И поэтому часто спрашивают, что именно она готовит, а ей нравится давать им подробные ответы.

Глиняные крыши, металлические колпаки дымовых труб возвышаются над высокой кирпичной стеной, идущей вдоль рельсов и окружающей по периметру целую деревню. Рядом

со стеной расположилось целое поле сухих кустарников и живых изгородей, с проходами внутри. У самого края поля стоит мужчина в зеленой шляпе и аккуратно сжигает мусор в костре. Ветерок подхватывает обугленные листья, поднимает их высоко в белесое небо – и вот они уже плавно парят в воздухе.

Я вынимаю из сумки папку с документами о собственности, которая сдается в Корнуолле. Ранним летом мы с Рэйчел снимали домик в Полперро. В рождественские праздники у нас обеих будет свободное время, и уже в эти выходные мы собираемся вместе с ней снять такой домик.

Полперро выстроен в складках прибрежного ущелья. Выбеленные известью дома с шиферными крышами гнездятся между крохотными извилистыми речушками. Между двумя утесами расположилась гавань, а за дамбой, во внутренней маленькой бухточке, вмещается с дюжину небольших парусных лодок. У причала, на самой границе с водой, построены дома и пабы. Во время отлива лодки во внутренней бухте лежат на боку в грязи и иле. На западном изгибе ущелья видны два квадратных дома местного торговца, один из коричневого кирпича, другой из белого. Над ними на фоне неба высятся зонтичные сосны. Далее располагается небольшое владение рыбака, буквально врезанное в скалы. Его жилище построено из неотесанного гранита, так что в туманные дни оно сливается с камнями, окружающими его со всех сторон. Домик, который мы снимали, стоял на мысе в десяти мину-

тах ходьбы от самого Полперро, а вела к нему частная лестница из семидесяти одной ступеньки, проходящая через утес прямо к берегу моря.

Я безумно люблю Корнуолл. Мне было двадцать девять лет, когда я поняла это. Корнуолл стал мне родным. Список того, что мне нравилось в нем больше всего, был длинным и далеко не полным.

Разумеется, это наш дом, сам городок, мыс Лизард, легенда о короле Артуре, который родился в нескольких милях дальше по берегу, в Тинтагеле. Это город Маусхоул. Как писала Дафна дю Морье, «Вчера мне снилось, что я опять в Мандерли»¹. И правда, Корнуолл будет сниться тем, кто в нем побывал. А еще площадки с перилами на крышах домов и с видом на море, и фотографии развалин, развешанные в пабах, и снимки местных жителей в длинных коричневых юбках и жакетах, кажущихся карликами рядом с разрушенными остовами зданий.

Этот список можно было дополнять каждый день. Я добавила туда зонтичные сосны и гостиницу «Крамплхорн». Корнуоллские пирожки и корнуоллский эль. Еще мне нравится плавать – и в открытом море и в тихих влажных пещерах, где вода капает с потолка. Моя любовь к Корнуоллу бесконечна.

– Здесь все лучше, – сказала я как-то.

– Ну да, – согласилась Рэйчел.

– А что тебе больше всего нравится в Корнуолле? – спро-

¹ Цитата из «Ребекки». – *Примеч. ред.*

сила я, и она застонала. — Тогда я скажу, что нравится мне.

— Ну для начала тут есть море.

Раз на то пошло, она любила Корнуолл куда больше, чем я, и восхищалась им гораздо сильнее. Но в последнее время она была сама не своя. Похоже, совсем замучилась на работе, буквально вымоталась до предела.

На следующей станции кондуктор предупреждает пассажиров о возможных задержках и опозданиях поездов завтра из-за надвигающейся снежной бури. Отлично, размышляю я, значит, будет метель.

Мы проезжаем очередной городок, где машины уже включили фары, желтые светящиеся кружочки света в приближающихся сумерках. Потом поезд объезжает живую изгородь из тополей и мчится уже по прямой в Марлоу.

Рэйчел на станцию не пришла. Впрочем, тут нет ничего необычного. Она частенько дежурит в больнице допоздна. Я ухожу с платформы, в слабом сумеречном свете мне кажется, будто крыши городских домов уже припорошил снежок. Я покидаю деревню и направляюсь к ее дому, вышагивая по узкой ленте бетонной дороги, бегущей между редкими фермами.

Интересно, она выйдет встречать меня вместе с Фенно? Бутылка красного вина с каждым шагом тихонько бьет меня по спине. Я представляю себе кухню в доме Рэйчел. Вот миска с каштанами, а вот и полента закипает, пузырится на плите. Ко мне подъезжает машина, я отступаю на обочину.

Приблизившись, машина замедляет ход. Сидящая за рулем женщина кивает мне, и автомобиль снова начинает увеличивать скорость.

Я иду быстрее, пытаюсь согреться, руки в карманах сжаты в кулаки, чтобы не мерзли пальцы. Над головой стущаются тучи, и от окружающей меня тишины звенит в ушах.

Но вот в поле зрения появляется и дом Рэйчел. Я взбираюсь на холм, под ногами хрустит щебень. Ее машина припаркована возле дома. Сама она, наверное, уже пришла с работы. Я открываю дверь.

И отшатываюсь, даже не осознав, что произошло. Меня буквально сбивают с ног.

Первое, что я вижу, – собака. Она свисает на поводке с верхней лестничной площадки. Шнур поводка поскрипывает, и собака медленно раскачивается. Я понимаю, это очень плохой знак, но это слишком невероятно. Разве такое возможно?

Поводок намотан на стойку перил. Наверное, пес свалился, запутался и сам удавился. Но на полу и стенах я замечаю кровь.

Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь, а вокруг тишина. Надо срочно что-то предпринять, но я не знаю что... и почему-то не зову на помощь Рэйчел.

Я поднимаюсь по лестнице. Чуть ниже плеча вижу полосу крови, как будто кто-то прислонился к стене и шел вверх. Полоса заканчивается, над ступенькой кровавые отпечатки

ладоней и такие же на верхней площадке.

В коридоре наверху кровавые следы становятся беспорядочными. Четких отпечатков ладоней уже нет. Похоже, кто-то здесь ползал или кого-то тащили. Я ошеломленно смотрю на кровь, потом перевожу взгляд в глубь коридора.

Теперь я слышу собственное неровное дыхание и подползаю к ней. Ее рубашка темная и влажная. Я аккуратно приподнимаю Рэйчел и кладу себе на колени. Потом пытаюсь нащупать пульс на ее шее, нагибаюсь к лицу, чтобы уловить дыхание. Щекой задеваю ее нос, и у меня по спине пробегают мурашки. Я выдыхаю ей в рот воздух, надавливаю на грудь, потом резко останавливаюсь. Я ведь могу только еще больше навредить ей.

Вокруг меня сгущается темнота.

Мой телефон в ее доме никогда не работал. Придется идти на улицу, чтобы вызвать «Скорую». Я не хочу оставлять ее здесь, но все же, спотыкаясь, спускаюсь с лестницы и вываливаюсь наружу.

После звонка я не могу вспомнить, что именно наговорила. Вокруг не видно ни души, только дома соседей Рэйчел и вереница высоких холмов позади. В полной тишине мне даже кажется, что я способна уловить шум моря. Надо мной высокое небо. Я смотрю вверх и хватаюсь руками за голову. В ушах звенит так, будто кто-то оглушительно кричит.

Я жду, в надежде, что вот сейчас в дверях появится сама Рэйчел. Она смущенно и внимательно смотрит на меня. Ка-

жется, я слышу звук ее мягкой поступи, но на самом деле приближаются сирены.

Ей надо успеть спуститься еще до того, как «Скорая» придет сюда. И как только ее увидит еще кто-нибудь, все закончится. Я молю ее спуститься. Сирены звучат громче, а я продолжаю смотреть на дверь.

В поле зрения появляется «Скорая помощь». Машина мчится по дороге между фермами. Вот она приближается к дому. Из-под шин вырывается мелкая щебенка. Дверцы раскрываются, из машины выскакивают люди. Они бегут ко мне, а я не в состоянии говорить. Первый врач отправляется домой, второй интересуется, не ранена ли я. Я гляжу на себя, а моя рубашка вся в крови. Я ничего не отвечаю, и тогда он начинает осматривать меня.

Я отстраняюсь от него и бегу вверх по лестнице за первым врачом. Лицо Рэйчел повернуто к потолку, ее темные волосы разметались по полу, руки вытянуты по бокам. Я вижу ее ступни в толстых шерстяных носках. Мне хочется подползти к ней, к ее ногам и сжать их между ладоней.

Женщина-врач указывает на шею Рэйчел, потом касается себя там же. Я не слышу ее голоса из-за шума в ушах. Она помогает мне спуститься со ступенек. Потом открывает дверцу «Скорой помощи», усаживает меня в машине и накидывает на мои плечи плед. Влага на моей рубашке леденеет, ткань прилипает к животу. Зубы стучат. Врач включает отопление, и сзади начинает изливаться тепло, согревая мне спину.

Вскоре приезжают патрульные машины, на дороге и на лужайке собираются полицейские в черной форме. Я смотрю на них, переводя взгляд с одного на другого. У некоторых на ремне аппаратура, щелкающая статическим электричеством. Я жду, когда кто-то из них улыбнется, и все окажется шуткой. Один из полицейских вбивает в землю колышек и протягивает через дверь наискосок ленту. Она разворачивается с большой бобины и, раздуваясь на ветру, прямо выпрыгивает у него из рук.

Боковое зрение у меня затуманивается, потом картинка размывается совсем. Я устала. Но я все равно стараюсь следить за работой полицейских, чтобы потом обо всем этом рассказать Рэйчел.

Небо пенится, как будто нас сейчас накроет невидимая огромная морская волна. Кто же это сотворил с тобой, думаю я, но это не так-то и важно, важно, чтобы ты вернулась. В доме напротив открыт сарай, где обычно оставляют машину, но сейчас он пуст. Там живет профессор из Оксфорда. Рэйчел называет его «фермер-джентльмен». За домом профессора начинается ряд высоких холмов, в котором видны врезанные ступеньки. Я смотрю на камни до тех пор, пока мне не начинает казаться, что камни расшатались и холмы приблизились ко мне.

В дом никто не заходит. Все кого-то ждут. Впереди стоит тот самый полицейский, который разматывал ленту. Он охраняет вход. На огороженном участке земли у дома, со-

седнего с владением профессора, какая-то женщина катается верхом на лошади. Ее домик стоит за площадкой для верховой езды, у подножия холмов. Всадница галопирует большими кругами под темнеющим небом.

Женщина наклоняется вперед, чтобы слиться с ветром, и я думаю о том, видит ли она сейчас всех нас или нет. Наш дом, «Скорую помощь», полицейских в форме, стоящих на лужайке.

Где-то возле дома раздается звук закрывающейся дверцы, и на гравиевую дорожку выходят мужчина и женщина. Все наблюдают за тем, как эта пара движется вверх по холму. Они оба в светло-коричневых пальто, руки в карманах, фалды развеваются. Они смотрят на дом, потом женщина переводит взгляд на меня, и наши глаза встречаются. Ветер и холодный воздух толкают меня вперед. Женщина приподнимает ограничительную ленту и заходит в дом. Я закрываю глаза. Я слышу шаги человека, идущего по гравию. Мужчина опускается на корточки рядом со мной и ждет.

У меня темнеет в глазах. Скоро все вокруг станет черным, а потом я услышу, как где-то над головой вздыхают и шелестят листвой старые вяза. Наши тарелки будут видны и в раковине, и на плите. На дне горшка остатки прилипшей высохшей поленты. Кожура от каштанов на столе и везде, где мы очищали их, обжигая при этом себе пальцы.

Если я пройду к ней в комнату, я увижу тени от вяза, растущего на южной стороне, пляшущие на стенных панелях.

Спящая собака распласталась под ее кроватью, так близко, чтобы Рэйчел, всего лишь опустив руку, всегда смогла погладить и приласкать ее. И спящая Рэйчел, конечно, тут же.

Я открываю глаза.

Глава 2

Мужчина, опустившийся возле меня на корточки, здоровается со мной. Он прижимает галстук к своему животу. Позади него ветер пригибает траву на холмах к земле.

– Здравствуйте, Нора, – говорит он, и мне становится интересно, встречались ли мы с ним где-нибудь раньше. Я не помню, чтобы называла здесь кому-то свое имя. Наверное, он знает Рэйчел. У него квадратная челюсть, крупные черты лица, нависшие веки, и я пытаюсь вспомнить, может, я видела его раньше в городе. То ли в ночь Гая Фокса, то ли при сборе денег для пожарной команды.

– Инспектор детектив Моретти. Я прибыл из Абингдона.

Вот так удар. Он не был с ней знаком, но в ее городе нет детективов, расследующих убийства. Чтобы расследовалось серьезное дело, надо обращаться в Оксфорд или в Абингдон. Мы идем мимо дома, а нам навстречу движутся две женщины, и по их одежде я определяю, что они сотрудницы службы судебной медицины.

Мы отъезжаем от дома, и я понимаю, что мне трудно дышать. Я смотрю в окошко на ряд плоских деревьев, проносящихся мимо нас. Можно было бы предположить, что я стану воспринимать случившееся как сон. Но на самом деле все не так. Мужчина за рулем, сидящий рядом со мной, вполне реален. Пейзаж за окошком автомобиля тоже реален, так же

как и влажная рубашка, прилипающая к моему телу, и мысли, которые сейчас вертятся у меня в голове.

Я хочу, чтобы шоковое состояние, в котором я пребываю, дало мне немного времени, чтобы прийти в себя, но горе уже охватывает меня. Осознание пришло резко, как будто опустилось лезвие гильотины, в тот самый момент, когда та женщина в доме Рэйчел коснулась пальцем ее шеи. Я постоянно думаю о том, что больше никогда не увижу свою сестру, хотя я ведь только что ехала повидаться с ней. Мы проезжаем Марлоу, и я понимаю, что сейчас мысленно разговариваю сама с собой. Больше здесь никого нет. Обычно, если меня охватывают такие вот странные ощущения, будто я наблюдаю за тем, как мысленно разговариваю сама с собой, значит, я формирую в голове мысли, которыми вскоре поделюсь с Рэйчел.

Я сжимаюсь на сиденье. Мимо нас по шоссе проносятся машины. Интересно, неужели этот детектив всегда так медленно ездит или только в том случае, когда в автомобиле находится кто-то посторонний? В этот момент я осознаю, что уже некоторое время не слежу за дорогой и теперь понятия не имею, куда он меня везет. Какая-то часть меня самой надеется, что он завезет меня куда-нибудь в темное сырое поле, далеко от городских огней. И получится некая симметричная история. Сначала убивают одну сестру, потом другую, и все это происходит в течение нескольких часов.

Он так и поступит. Сначала обошел дом, остановился у

выездной дорожки, потом убедил меня уехать вместе с ним именно в тот момент, когда все остальные были чем-то заняты и нас не видели. Впрочем, убедить себя в чем-либо довольно легко. И вот уже появился давящий страх. Я достаю ручку из сумочки и крепко сжимаю ее под бедром.

Я жду, когда же он свернет в сторону и направится к заброшенной фабрике или опустевшему саду. Вокруг шоссе пустынная местность, и у него полно вариантов. Я уже готова вонзить ему ручку прямо в глаз, а потом бегом бежать снова к дому Рэйчел. Она окажется у себя в гостиной, посмотрит на меня и нахмурится: «Получилось?»

Но тут появляется указатель на Абингдон, детектив сворачивает с шоссе и тормозит у конца длинной скользкой дорожки. Лицо его не выражает ровным счетом ничего, глаза привычно следят за светофором.

– Кто это сделал? – спрашиваю я.

Он не смотрит на меня. В тишине машины тикает какой-то механизм.

– Мы еще это не выяснили.

Огни светофора поменялись, и машина снова трогается с места. На столбе висит светящийся знак, указывающий, что мы подъехали к зданию полицейского участка «Темз Вэлли».

Наверху помещение с открытой планировкой, перед белой доской стоит светловолосый мужчина в темном костюме, который явно великоват и буквально свисает с него. Вот он слышит, как мы вошли, и отходит от доски, на которую

только что прикрепил фотографию Рэйчел.

Я издаю стон. Это снимок с сайта больницы. Ее овальное лицо обрамлено темными волосами. Оно такое родное, как будто я сейчас вижу саму себя. Правда, кожа у нее более бледная, и скулы очерчены четче, чем у меня. Из нас двоих именно она в первую очередь привлекала внимание. На фото она улыбается с закрытым ртом, чуть сжав губы и сдвинув их в одну сторону.

В комнате для допросов Моретти садится напротив меня и одной рукой расстегивает пуговицы на пиджаке.

– Вы устали? – спрашивает он.

– Да.

– Это шоковое состояние.

Я киваю. Как странно чувствовать себя такой уставшей и при этом такой напуганной, как будто мое тело заснуло, но одновременно воспринимает некие электрические разряды извне.

– Вам принести чего-нибудь? – интересуется Моретти. Я не понимаю, что он имеет в виду, и когда не отвечаю ему, он решает принести мне чаю, который я не пью. Потом дает мне синий свитер и спортивные штаны.

– Если хотите переодеться, то вот.

– Нет, спасибо.

Еще некоторое время он говорит ни о чем. У него есть маленький домик в Уитстейбле. Там очень красиво, утверждает он, особенно во время отлива. Я начинаю нервничать,

даже несмотря на то, что он рассказывает о море.

Он просит меня поведать о том, что я увидела сразу же, как только вошла в дом. Я слышу, как поднимается мой язык во рту, издавая при этом щелчок, и это повторяется в каждом произносимом мною предложении. Моретти потирает себе шею у затылка, и под тяжестью ладони его голова чуть нагибается вперед.

– Вы жили вместе с ней?

– Нет, я живу в Лондоне.

– Вы раньше приезжали к ней днем в пятницу?

– Да, я ее часто навещаю.

– Когда вы в последний раз говорили со своей сестрой?

– Вчера вечером, часов в десять.

Небо потемнело, и мне видны бледно-желтые квадратики офисных окошек в здании через улицу напротив.

– И каким был ее голос?

– Как обычно.

Над его плечом таким же квадратиком отсвечивает желтая кафельная плитка. Интересно, уж не думает ли он, что это я во всем виновата? Похоже, что нет. Страх перед этим обвинением еще какой-то далекий, он едва достигает меня. В какой-то момент мне даже хочется, чтобы во всем обвинили именно меня. Тогда все мои чувства были бы совсем другими – беспокойство, возмущение, требование восстановления справедливости – только не то, что я испытываю сейчас. А именно – ничего. Это как будто проснуться в чистом поле

и при этом не помнить, как ты здесь очутилась.

– Сколько это будет продолжаться?

– Что?

– Шоковое состояние.

– Бывает по-разному. Может, и несколько дней.

В офисе напротив уборщица поднимает шланг пылесоса и убирает стулья, мешающие ей пройти вперед.

– Простите, – говорит детектив, – я понимаю, что вам хочется уйти домой. Вы не заметили, Рэйчел в последнее время ничего не тяготило?

– Нет. Может быть, только ее работа, и то чуточку.

– Вам никто не приходит на ум, кто мог бы желать зла Рэйчел?

– Нет.

– Если бы ей угрожали, она рассказала бы об этом вам?

– Да.

Мне проще увидеть совсем другой исход событий. Я вижу Рэйчел, всю в крови, она сидит на стуле и спокойно объясняет детективу, как и почему убила нападавшего на нее мужчину.

– Это долго продолжалось? – спрашиваю я.

– Я не знаю, – отвечает он, и теперь я наклоняю голову, чтобы не слышать звона.

Дверь открывает та самая женщина, которая появлялась вместе с ним перед домом. У нее мягкое, чуть пухлое лицо, волнистые волосы стянуты в узел.

– Алистер, – говорит она. – На пару слов.

Когда Моретти возвращается, он задает вопрос:

– У Рэйчел был бойфренд?

– Нет.

Он просит меня написать имена и фамилии всех мужчин за последний год, с которыми она встречалась. Я аккуратно вывожу каждую букву, начиная с недавних парней и заканчивая самым первым бойфрендом, а это было шестнадцать лет назад в Снейте, где мы выросли. Когда я заканчиваю список, я остаюсь сидеть за столом, положив на него сжатые в кулаки руки, а Моретти стоит у двери, нагнув голову над бумагой. Я наблюдаю за ним, чтобы понять, знакомы ли ему какие-нибудь имена, но выражение его лица не меняется.

– Первый парень, – говорю я, – Стивен Бейли. – Они чуть не поженились пару лет назад. Она иногда потом встречалась с ним. Он живет в Дорсете, в Уэст-Бей.

– Он когда-нибудь проявлял насилие в отношении ее?

– Нет.

Моретти кивает. Стивен будет первым, кого надо будет исключить из подозреваемых. Детектив уходит из комнаты, а когда возвращается, в руках у него уже ничего нет. Мне вспоминается паб, в котором я была сегодня утром, и та самая пропавшая женщина.

– И еще кое-что, – начинаю я. – Когда Рэйчел было семнадцать лет, на нее напали.

– Напали?

– Да. И обвинение должно было звучать как «нанесение тяжких телесных повреждений».

– Она знала нападавшего?

– Нет.

– Кого-нибудь задержали?

– Нет. В полиции ей не поверили. – Они только предположили, что нападение, если и происходило, то совсем по-другому, иначе, чем Рэйчел рассказывает. Они выдвинули предположение, что она сама хотела кого-то ограбить и начала приставать, а ей просто дали достойный отпор. Это были представители последней, старой волны полицейских, которых больше волновало то, сколько Рэйчел выпила после этого, и еще тот факт, что она не рыдала. – Это было в Снейте, в Йоркшире. Не знаю, сохранились ли у них документы в архиве. Это произошло пятнадцать лет назад.

Моретти благодарит меня.

– Нужно, чтобы вы пока оставались здесь поблизости. У вас есть где переночевать сегодня?

– В доме у Рэйчел.

– Там вам оставаться нельзя. Вас кто-нибудь может подвезти?

Я сильно устала. Я не хочу это никому объяснять и не хочу ждать на вокзале, когда кто-нибудь из лондонских друзей приедет за мной. Когда допрос заканчивается, полицейский отвозит меня в единственную в Марлоу гостиницу.

Я надеюсь, что мы в кого-нибудь врежемся. Впереди нас

по Абингдон-роуд движется грузовик, перевозящий тонкие металлические трубы. Я представляю, как лопается связывающая их нейлоновая лента, трубы высыпаются на дорогу, одна из них подпрыгивает и пронзает меня, пригвоздив навсегда к сиденью автомобиля.

Центральная улица Марлоу изогнута, как серп, с одного конца которого расположено здание муниципалитета, с другого – вокзал. Гостиница «Охотники» находится на краю этого серпа, по соседству с вокзалом. Это квадратная постройка из светлого камня с черными ставнями на окнах. Полицейский оставляет меня в гостинице. На станции несколько человек ждут поезда, и все они разом оборачиваются, чтобы поглазеть на полицейскую машину.

Оказавшись в номере, я сразу запираю дверь и набрасываю цепочку. Провожу рукой по стене, оклеенной обоями, прижимаю к ней ухо и задерживаю дыхание. Мне хочется услышать женский голос. Например, матери, разговаривающей со своей дочерью, пока они собираются ложиться спать. Но за стеной не слышно ни звука. Наверное, все уже спят, говорю я себе.

Я выключаю свет и ползу под одеяло. Я понимаю, что все происходящее реально, и все равно жду, что Рэйчел мне позвонит.

Глава 3

Предполагалось, что сегодня мы отправимся в Бродуэлл в музей и там же полакомимся блинчиками с брусникой. Я просыпаюсь сердитая, так как думаю о том, что наши планы придется перестроить и поездку отложить.

На половине пути от спальни до ванны мои колени подгибаются, но что-то заставляет меня устоять. Собака продолжает вращаться на шнуре, свисающем с потолка. Рэйчел лежит на полу, свернувшись и прижавшись спиной к стене. На лестнице повсюду кровавые отпечатки ладоней. На перилах три чистых столбика, а один – грязный, вокруг него и намотан собачий поводок.

Не знаю, сколько времени я пребывала в подобном состоянии. Наступает момент, когда я решаю помыться. Но под душ я не могу встать, потому что считаю, что мои волосы начнут пахнуть ее домом. Вместо этого я обтираюсь влажным полотенцем, наблюдая за тем, как его ткань становится сначала розовой, а потом бурой.

Я одеваюсь, кладу свою вчерашнюю одежду в пластиковый пакет и уношу его за гостиницу в съемный кузов от самосвала. У меня возникает какое-то странное чувство, будто я пытаюсь избавиться от улики, хотя полиция и не просила меня сохранить их. Они должны были тщательнее проин-

структурировать меня. Прохожу мимо картины на стене, изображающей охоту на лис, где за деревьями прячутся охотники в красных костюмах.

Поднимаюсь по лестнице, и в этот момент мне звонит Моретти и сообщает, что у него возникло ко мне еще несколько вопросов.

– Через час мне нужно будет представить заявление для прессы. В нем я не буду ничего говорить о собаке.

– Почему?

– Люди, как правило, сосредотачиваются именно на подобных деталях. Я не могу подготовить вас к тому, – продолжает он, – что может начаться потом, когда об этом преступлении узнает вся страна. Мы не можем заставлять вас отказываться от интервью с прессой, но могу вас заверить в том, что расследованию это в любом случае никак не поможет. Они только начнут вступать не к месту, а потом, когда все это им наскучит, они станут искать в Рэйчел то, что их сможет как-то заинтересовать.

– А что же их могло бы заинтересовать?

– Все только самое худшее, что с ней происходило.

В пять часов за мной в гостиницу должен заехать полицейский. Я решаю подождать его у себя в номере. До его приезда я буду предоставлена самой себе, а это целых шесть часов, и мне даже становится интересно, чем я смогу занять себя на это время.

Через несколько часов раздается стук в дверь.

– Я выслушиваю жалобы от других постояльцев, – сообщает мне администратор гостиницы. За ней в коридоре видны зажженные лампы. На шею она намотала темный клетчатый шарф, и мне хочется сказать ей, что я когда-то жила в Шотландии, а моя сестра приезжала туда ко мне в гости. – Им мешает шум.

– Простите. – Мне приходится облокотиться о дверную раму. У меня сегодня не было ничего ни поесть, ни выпить. Еда теперь может стать для меня проблемой.

– Если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать, – говорит администратор. – Мне очень жаль, что с вашей сестрой случилось такое несчастье. Настали очень трудные времена. Сначала Каллум, а вот теперь еще и она.

– Каллум?

– Молодой человек из города, погибший в катастрофе на Бристол-роуд. Ему было всего двадцать семь лет.

Теперь я его вспоминаю. Рэйчел как раз была одной из медсестер, которые за ним ухаживали. Мне хочется поделиться с этой женщиной тем, что говорила о Каллуме Рэйчел, но я все же меняю свое решение и молчу.

В пять часов за мной заезжает полицейский, и мы отправляемся в Абингдон. В допросной Моретти говорит мне:

– Мы не можем разыскать вашего отца. Вы с ним общаетесь?

– Нет.

– А Рэйчел с ним встречалась?

– Нет.

На потолке над нами где-то щелкнули трубы обогрева. Снаружи небо нахмурилось, тучи сгущаются. В Ланкашире и Кумбрии уже идет снег. Детектив не спросил меня о нашей матери. Наверное, ему уже известно, что она давно умерла, вскоре после того, как родилась я.

– Когда вы в последний раз разговаривали со своим отцом?

– Три года назад.

– Он когда-нибудь проявлял насилие?

– Нет, – говорю я, хотя сама не до конца верю в то, что это чистая правда. – Кроме того, он достаточно хрупкий. Рэйчел была намного сильнее его. Вы должны рассказать ему про нее?

– Да.

Им придется еще изрядно потрудиться, чтобы отыскать его. Когда он перестал доверять правительству, то в то же время не стал и пользоваться государственными пособиями. Несколько месяцев назад он прислал Рэйчел открытку, где писал, что находится в Блэкпуле, но я решаю не говорить детективу про это.

– Вы со Стивеном еще не общались? – интересуюсь я.

– Он весь день провел у себя в ресторане.

От этой новости я испытываю облегчение и чувствую себя

неловко за то, что подозревала его. Он просто обожал Рэйчел.

Моретти спрашивает:

– Какая машина у вашего отца?

– Он больше не водит машину, – говорю я и принимаюсь объяснять, дескать, отец – алкоголик, хотя даже это слово звучит как-то слишком уж утонченно для описания отца. Моретти, наверное, и этот факт уже известен. У него имеются на него какие-то характеристики. Это и нарушение общественного порядка, и незаконные проникновения в помещения, и совершение краж со взломом...

В дверь стучит полицейский, и Моретти извиняется за вынужденную паузу. Я заглядываю в оперативную комнату, где пахнет уксусом, а один из детективов поедает чипсы прямо из пакета.

Жаль, что сейчас со мной нет Фенно. Он бы послушно сидел сейчас рядом с моим стулом. Я бы положила ладонь на его пушистую голову. Когда я в последний раз приезжала в гости, я искупала его, закрывая при этом ему глаза рукой, пока намыливала и потом смывала с шерсти густую пену. Когда я вытирала его полотенцем, он прижался ко мне, и так мы застыли на долгое время, пока влажное тепло просачивалось сквозь мою рубашку.

Возвращается Моретти и говорит:

– Что мы хотим узнать от вас сейчас, так это, что было необычного в поведении Рэйчел в последнее время. Это

могут быть мелочи, например изменение маршрута, когда она шла на работу. Появление каких-то новых друзей, новые увлечения.

– Я даже не знаю. Она рассказывала о том, что записалась в спортзал в Оксфорде, чтобы иметь возможность поплавать зимой, но к занятиям пока так и не приступила.

– Значит, она собиралась заниматься в спортклубе. Что-то еще? Какие-нибудь перемены у них в больнице?

– Нет.

– Ей нравилась ее работа?

– В основном да. – Поначалу у нее были трудности на работе, когда она еще обучалась, чтобы стать дипломированной медсестрой, и в самом начале карьеры. Она рассказывала мне о том, что хочет купить велосипед и на нем возвращаться домой, хотя так ее могут легко сбить, но она все равно рискнет. – Работа ответственная, но меня устраивает, – так она говорила.

Моретти изучает меня, и мне начинает казаться, что он считает, будто я попросту испытываю его терпение. Скоро наша беседа закончится, и мне придется уйти. Даже представить себе не могу, что я буду делать дальше.

– Не хотите чего-нибудь выпить? – спрашивает он, и я киваю в ответ. Он приносит нам чай, а я думаю, что бы ему рассказать, но не могу вспомнить никаких перемен в жизни сестры. Я читаю в брошюре «В поддержку жертв преступников» следующее: «После убийства жизнь может рассыпаться

на составные части. Даже такие простые вещи, как ответ на телефонный звонок или оплата счетов, могут превратиться в проблему».

Мне хочется спросить Моретти, чем он занимается в Уитстейбле и как часто он уезжает туда. Потом я намереваюсь рассказать обо всем этом Рэйчел, а ей на самом деле будет все это весьма интересно. Мы пьем чай в тишине.

– Рэйчел сказала, что в воскресенье она встречалась с неким Мартином.

Моретти поворачивается ко мне:

– И куда они отправились?

– Она не говорила. Это было вечером, значит, куда-нибудь поужинать, как мне кажется. Я спросила Рэйчел, можно ли это считать свиданием, но она ответила, что нет. Еще она говорила, что это ее друг из больницы.

– А как его фамилия?

– Она мне ничего не говорила.

– А когда Рэйчел решила переехать?

– Она никуда не собиралась переезжать.

– Две недели назад она ходила в агентство по продаже недвижимости.

– И куда она хотела уехать?

– В Сент-Айвс. – На северное побережье Корнуолла.

От возбуждения мой пульс учащается. Мне нравится Сент-Айвс. Я поеду к ней туда.

– Рэйчел намеревалась переехать туда, и на этой неделе

она не ночевала у себя дома. Мы полагаем, что не исключено, что ей кто-то угрожал.

– Где же она ночевала?

– У Элен Томпсон.

Моретти поднимается со своего места, и я выхожу вместе с ним из комнаты, слишком сбитая с толку, чтобы что-то говорить и выражать свой протест.

– Сержант Льюис едет в Марлоу, – говорит Моретти. – Мы попросили его подбросить вас до гостиницы.

Высокий чернокожий мужчина с южно-лондонским акцентом присоединяется к нам в коридоре. Пока мы едем в лифте вниз, он говорит:

– Примите мои соболезнования по поводу случившегося с вашей сестрой.

Он открывает двери, и я выхожу вместе с ним к его машине. Мы пробиваемся сквозь плотный поток транспорта, а дождь уже стучится в ветровое стекло.

– А куда потом отправятся все эти люди? – спрашиваю я.

– По домам, – отвечает он. Дворники усердно промывают стекла автомобиля.

– Сколько времени вы работаете полицейским?

– Восемь лет, – говорит, наклоняясь вперед на перекрестке, чтобы посмотреть, нет ли сбоку приближающегося транспорта. – Собираюсь поработать еще пару лет – и все.

Глава 4

Рэйчел купила дом в Марлоу пять лет назад. Этот город – само совершенство. На центральной улице стоят деревянные крашенные дома. Тут же большой общественный парк с могучими тисами. На здании муниципалитета большие желтые часы. В городке два паба. Тут еще есть церковь и при ней небольшое кладбище. Здесь протекает ручей. Имеется и заправочная станция.

Пабом для ремесленников традиционно считается «Дак энд Кавер». Раньше название было другое, пока кто-то не изменил краской слово на вывеске. Те, кто каждый день ездит на работу на поезде, привыкли ходить в другой паб – «Руки мельника». Здесь подают «Пиммс», а спортивные передачи показывают только во время чемпионата мира по футболу или Уимблдонского турнира. Рэйчел полагала, что рано или поздно между двумя пивнушками произойдет решающее сражение за право считаться пабом номер один. Во всяком случае, она надеялась на то, что все так и произойдет. Сама Рэйчел твердо стояла на стороне «Дак энд Кавер». Она говорила: «Не хватало еще, чтобы у нас все вышло так, как в Чиппинг-Нортон». Еще она тогда сказала: «Очень важно, чтобы те, кто тут работает, еще бы имели возможность и жить тут».

За исключением «Рук мельника» в городе почти ниче-

го не изменилось или пока не изменилось. На центральной улице по-прежнему нет магазинов, торгующих одеждой или домашней утварью. В городе проходит ежегодный весенний праздник, на котором угощают пастой и собирают денежные пожертвования на поддержку местной пожарной станции.

– Почему же раньше у вас не было так много приезжих? – спросила я ее тогда.

– Поезда стали ходить быстрее.

Возле Лондона есть городок покрупней с таким же названием, и там тоже имеется известный паб, но Рэйчел никогда не исправляла тех, кто их путал или говорил ей о том, что побывал в пабе под названием «Письмо и Цветы».

Рэйчел считала, что с городком все же что-то не так. Я не могу вспомнить точно, когда об этом зашла речь. Но не так давно, когда мы вернулись из Корнуолла. Тогда я не дала ей договорить. Мы сидели у нее в доме и завтракали. Я только что проснулась, и мне не хотелось слушать подобные вещи. По тону голоса Рэйчел я сразу поняла, что она собирается рассказать мне что-то ужасное. И поняла, что самое время ее остановить. Передо мной лежал малиновый круассан, стояла чашка эспresso, и я должна была выслушивать какие-то неприятные новости о ее городке!

Тут еще есть винный магазин. Общество строителей. Золотой петух на крыше гостиницы. Библиотека. Еще желтый навес «Руки мельника». И старые тополя перед ремонтной автомастерской. И близнецы, которые трудятся на благо го-

родка.

Я считала, что это никакие не близнецы, а всего один человек, пока я не увидела, как они вместе моют мусоровоз. Оба носили зеркальные солнцезащитные очки, оба отрастили длинные волосы, и у обоих имелся ротвейлер.

– У них одинаковые собаки? – спросила я.

– Нет, собака всего одна, – ответила Рэйчел.

* * *

Дела у «Охотников» идут не очень хорошо. Двенадцать номеров и всего двое постояльцев. Сейчас ноябрь, но, по словам Рэйчел, летом тут тоже почти никто не останавливается. Она рассказывала, что гостиницу не закрывают только из-за бара на первом этаже. Для меня это хорошие вести, поскольку лично я пока что уезжать отсюда не планирую.

Вернувшись из полицейского участка, я краду из кухни нож. Кладу его под кровать так, чтобы, опустив руку, можно было бы схватить его. Потом я опускаюсь на кровать, ломая голову над тем, что же именно она хотела тогда рассказать мне, и наконец позволяю окружающей темноте полностью окутать мое лицо.

Глава 5

Первые пассажиры уже ждут в темноте на платформе свой поезд, когда я выхожу на улицу, чтобы купить в газетном киоске через дорогу свежую прессу на следующее утро. Я несущу газеты в пустой гостиничный вестибюль. Стены тут оклеены зелеными обоями с золотыми ландышами. Именно тут раньше завтракали всадники перед выездом на охоту.

В «Телеграф» про Рэйчел ничего не написано. Нет статей про нее и в «Индепендент», «Сан», «Гардиан» и даже в «Дейли мейл». Ну если национальные газеты умолчали об этом случае, может, ничего и не произошло?

Зато статья есть прямо на первой странице «Оксфорд мейл». Наверное, журналисту удалось достать информацию в морге о вскрытии. Она умерла от артериального кровотечения, как выясняется. Время смерти между тремя и четырьмя часами дня. Она получила одиннадцать ножевых ранений в живот, грудь и шею. На ладонях и руках также имеются повреждения – она пыталась защищаться.

Вот я за столом читаю статью, а вот я уже на ковре на четвереньках. Ландыши на обоях начинают шевелиться. Я молча открываю и закрываю рот.

Когда приступ боли проходит, меня уносит в дальний угол комнаты. Я кидаю газеты в пустой камин. Мне хочется сжечь их, но у меня нет спичек.

Я звоню своей начальнице – специалисту по ландшафтно-му дизайну. Рассказываю ей, что у меня в семье потеря и теперь я сама не знаю, когда смогу вернуться в Лондон. Такая формулировка нравится мне, получается, что это как будто не Рэйчел умерла, а какой-то другой член моей семьи. Может, тетушка или наш папа. Она говорит мне, чтобы я не торопилась и оставалась на месте столько, сколько понадобится, но при этом не предлагает мне оплачиваемый отпуск в связи с такой тяжелой утратой. В общем, я не могу ее в этом винить. Не такая у нас работа.

Я звоню своей лучшей подруге Марте. Она хочет приехать ко мне и побыть со мной некоторое время, но я объясняю ей, что сейчас мне лучше оставаться одной.

– Когда ты возвращаешься домой? – спрашивает Марта.

– Я не знаю. Детектив попросил меня пока что пожить здесь.

– Зачем?

– Думаю, им потребуется кое-какая информация о ней.

Я прошу Марту рассказать о случившемся нашим общим подругам и заодно даю номера знакомых Рэйчел. Элис живет в Гватемале. Ее телефонного номера у меня нет, и я надеюсь на то, что Марта тоже не сумеет его разыскать. Меня это даже немного успокаивает. Хотя бы для нее Рэйчел будет оставаться живой, как будто это хотя бы частично может стать правдой.

После телефонных разговоров я иду к ее дому. Воскресный день, конец ноября, редкие машины обгоняют меня — люди едут куда-то по своим делам. Я не могу поверить в то, что смогу дальше жить без нее, просто так существовать, но уже одна. Передо мной темной лентой тянется бетонная дорога.

В газетной статье ничего не говорилось про собаку. Полиция наверняка этим довольна. А я до сих пор вижу пса, висящего на лестнице. Это крупная немецкая овчарка. Даже удивительно, как перила выдержали вес собаки.

По высокой траве у дома Рэйчел расхаживают люди в полицейской форме. Я схожу с дороги возле участка ее соседей и обхожу вокруг загона для лошадей. Позади него есть тропа, уводящая путника в сторону холмов.

Я медленно двигаюсь вперед, иногда вытягивая в стороны руки, чтобы удержать равновесие на камнях, пока не перехожу таким образом долину. В доме Рэйчел горят огни, на верхнем этаже мелькают какие-то люди. Я насчитала восемнадцать человек, обыскивающих лужайку под темнеющим, затянутым тучами небом. Перед дверью по-прежнему натянута синяя лента, возле нее стоит полицейский.

С неба начинает сыпать снег. С края утеса поднимается вверх белый дымок. Там, внизу, в доме профессора, видимо, кто-то есть. Я наклоняюсь в сторону и тянусь до тех пор, пока мне не становится видна крыша дома и трубы. Дымок

кружится и словно тает в падающем снегу. Сам профессор идет по дорожке у дома, разбрасывая под ноги пригоршни желтого песка, смешанного с солью. У самого края своего участка он останавливается и бросает взгляд через дорогу, в сторону дома Рэйчел. Плечи его уныло опускаются, с поникшей руки свисает опустевший пакет.

Он стоит и чего-то ждет. Мне кажется, что к нему кто-то должен прийти, кто-то спустится с холмов, и тогда он поинтересуется, нет ли каких-нибудь новостей. Его самого, скорее всего, уже допросили. Мне представляется, что его глаза наполнены слезами. Он любил Рэйчел. Мне кажется, что его перепугала прошлая ночь и он, наверное, сам никак не мог заснуть.

Я смотрю наверх, в груди у меня все болит. Снег уже не сыплет, он будто зависает в воздухе и крутится вихрями. Иду к холмам, подальше от утеса, продвигаясь между невысоких деревьев с искривленными стволами. Они чуть выше меня, их росту здесь препятствует постоянный ветер. Одна ветка выпирает вперед, к ней прицепился кусок жесткой желтой ткани. Я вступаю на большой плоский камень, а когда перехожу на другой его край, оказываюсь среди пустых консервных банок из-под пива и кучи окурков. Меня бросает то в жар, то в холод. Я медленно поднимаю взгляд и вижу среди ветвей вдали, как будто обрамленный рамкой из листвы, дом Рэйчел.

На этом же овальном «портрете» в сумерках я разгляды-

ваю людей, которые ходят по комнатам в доме. Наступает ночь, картинка в окнах скоро станет более отчетливой. Она не вешала штор, за исключением ванной комнаты. Я вижу там белые газовые занавески, но даже они достаточно короткие и доходят только до окошек. Когда она стояла у раковины и чистила зубы, выйдя из душа, можно было видеть ее голову.

А здесь кто-то пил легкий эль «Теннетс» и курил «Данхилл», следя за ней. Я осматриваю местность позади себя. Поднимаю острый камень и прохожу круг. Под ногами шелестят сухие листья и мусор. Я жду, что сейчас появится и сам наблюдающий. Но мне не страшно, хочу увидеть того, кто совершил с ней такое. Проходят минуты. Вероятность того, что здесь кто-то еще есть, понемногу уменьшается, а потом и вовсе пропадает.

Сквозь открытое пространство в листве я наблюдаю за тем, как снег опускается на ее дом. Среди высоких холмов настолько тихо, что мне даже кажется, будто я слышу, как падают на землю снежинки. Меня охватывает полное уныние. Полицейские, обыскивающие лужайку, теперь перемещаются дальше в лес. Я вижу, как снег попадает на окурки, отчего они размягчаются и понемногу увеличиваются в размерах.

Я звоню Льюису, его машина припаркована у дальнего края ее лужайки. Я вижу, как он подныривает под ограничительную ленту и выходит из дома. Вот Льюис движется

в темном пальто у подъездной дорожки. Потом я в тишине наблюдаю, как он достает телефон из кармана и смотрит на экран.

– Здравствуйте, Нора.

– Я кое-что нашла.

– Где вы?

Я выбираюсь с тропы, встаю перед колючими деревьями и начинаю махать рукой:

– Здесь.

Он поворачивает голову и видит меня. Останавливается. Его лицо размыто вдалеке, галстук развеивается на ветру, брюки у ботинок раздуваются пузырями.

Я слышу, как он идет по тропе, и уже замерзаю. Вот он вступает на полянку, и по выражению его лица я понимаю, что выгляжу сейчас на удивление глупо.

Льюис молча смотрит на меня, его лицо грустное и понурое, я вижу его в овальной рамке из веток. Еще два года он поработает, как говорил в машине, но я понимаю, что ему хочется закончить свою службу прямо сейчас. Колючие ветви сходятся над ним аркой.

Он ныряет под них и приседает на корточки, чтобы осмотреть почву. Интересно, что он хочет тут найти, ведь я, собственно, ничего тут и не охраняю. Вот он поднимается, поворачивается и видит дом, обрамленный ветвями деревьев, внутри идеального овала, как будто кто-то специально подрезал эти ветки. Плечи у него опускаются.

– Кто-то следил за ней, – говорю я.

– Нора, – вступает Льюис. – Зачем вы пришли сюда? – Он на голову выше меня, и получается, что его вопрос адресован пустому пространству.

– Я хотела увидеть дом.

Он кивает, глядя в сторону утеса.

– Вы подумали, что кто-то следил за Рэйчел?

– Нет.

Мы смотрим на долину. Кучки деревьев тут и там образуют темные островки в белом снегу. В дневное время человек тут, наверху, становился невидимым, а ночью мог подойти и ближе. Я представляю себе, как он кружил возле дома, прикасаясь ладонями к стеклам окон.

Мужчина в форме медэксперта – тонкая ткань натянута у него поверх обуви и туго облегает голову – появляется на тропе. Льюис просит его собрать необходимый материал в пакет, и мы начинаем спуск с хребта. Льюис идет впереди меня, оставляя на снегу цепочку следов. С дальней стороны хребта виднеется лес, где деревья растут в форме решетки – перекрещивающимися линиями.

Мы пробираемся вниз по камням и появляемся уже у огороженного участка. Я следую за Льюисом к дороге, ноги у меня становятся тяжелыми от долгого хождения по снегу.

– Вы проголодались? – спрашивает он.

В «Изумрудных воротах» пластиковые столики, а за кас-

сой вывешены подсвеченные фотографии изысканных блюд. Молодой человек в белой форме шеф-повара поднимает металлическую сетку из обжарочной ванны и встряхивает ее, после чего снова погружает, и от запаха масла у меня начинают течь слюнки. Последний раз я нормально ела дня два назад, в лондонском пабе.

Я зачарованно и восхищенно наблюдаю за тем, как лепестки жасмина медленно распускаются у меня в чашке чая. Так сильно опираюсь головой на кулаки, что кожа щек натягивается до предела. Льюис протискивает колени под столик, этот верзила кажется тут слишком большим для такого стула. Я провожу большим пальцем по щеке, которую успела расцарапать ветвями боярышников.

На прилавке появляется наша еда. Льюис заказал блинчики «Му Шу», и я последовала его примеру, потому что не могу себе представить, как сейчас самостоятельно принимать какое-либо решение. Ритм всего происходящего успокаивает меня, я ложкой намазываю готовую смесь на тоненький блинчик, сворачиваю его треугольником, обмакиваю в сливовый соус. Мы молча едим, а за окном под фонарями лихо пляшут снежинки.

– Нора, – говорит он, – зачем вы пошли в сторону холмов?
– Я же сказала вам, что мне хотелось посмотреть на дом.

За прилавком повар наливает суп с клецками в пластиковый контейнер, и соленый запах бульона мгновенно достигает нас.

– Рэйчел когда-нибудь заводи́ла разговор о чем-то таком, что заставило вас отправиться туда?

– Нет. – Я заворачиваю блинчик. Льюис перестал есть и теперь внимательно смотрит на меня.

– Когда она приобрела собаку? – спрашивает он.

– Пять лет назад, когда переехала в Марлоу. Тогда ей было двадцать семь лет. – Я макаю блинчик в сливовый соус.

– В тот год случилось еще что-то важное?

– Нет.

– Но она приобрела немецкую овчарку.

– Многие люди их приобретают, – замечаю я.

– Мы нашли у нее в доме документы. Собаку воспитывали и дрессировали в Бристоле специалисты из фирмы по обеспечению безопасности.

Я замираю, не успевая донести ложку до тарелки.

– Что?

– Они продают собак, предназначенных для обеспечения надежной охраны.

Я вспоминаю Рэйчел на лужайке, когда она подает команды Фенно, а он носится вокруг нее. Она говорила, что ей приходится дрессировать его, чтобы он не заскучал.

– Она говорила мне, что взяла его из приюта.

– Может быть, она была напугана, – продолжает Льюис. – Тем, что случилось в Снейте.

Когда он закончил свое грязное дело, Рэйчел не могла идти. Она сорвала себе все ногти, когда дралась с ним.

- Вы считаете, что это он? – спрашиваю я.
- Я не знаю.
- Зачем ему было ждать целых пятнадцать лет?
- Может быть, он искал ее.

Глава 6

В ту ночь, когда на Рэйчел напали, мы ходили на вечеринку. Шла первая неделя июля. У меня была работа в городском бассейне – помощником младшего спасателя. Это означало, что если в бассейне одновременно тонули трое человек в противоположных его концах, мне разрешалось спасти самого маленького из них.

То утро выдалось на удивление душным, стояла «ужасная жарища», если верить радио «Хамберсайд». «Будьте осторожны на улице!» – предупреждал радиоведущий, но мне показалось, что он нарочно нагнетает обстановку. Хлеб подпрыгнул в тостере, засвистел электрический чайник. Я открыла ногой раздвижную дверь и позавтракала, прислонясь спиной к стеклу.

Потом я вытянула ноги на камни внутреннего дворика. Папа тогда работал на строительном участке в Сандерленде, и на подъездной дорожке его автомобиля не было. Тогда он катался на «АМС ГремLINE», самой маленькой и омерзительной машине во всем мире. Рэйчел называла нас «детьми с ключом на шее», так как мы были предоставлены сами себе. Хотя фактически такое название нам не подходило, поскольку дверь в нашем доме никогда не запиралась. Когда я заметила это, она только буркнула: «Перестань глупить!»

Когда я уходила на работу в бассейн, Рэйчел еще спала.

Занавеска в комнате сбилась в угол, и ее бледную руку и темные волосы озарял яркий свет. Я закрыла дверь и шумно сбежала по лестнице. Как-то раз отец спросил меня, уж не специально ли я спускаюсь по ступенькам как можно громче. Входная дверь захлопнулась за мной, и я очутилась на раскаленной пустой улице. Половину домов тут отобрали за неуплату, и я ленивой походкой двинулась посреди дороги, убирая с лица непослушные волосы.

После смены в бассейне я пошла к Элис. Рэйчел встретила меня у входа, и я сразу заметила ее стройный силуэт в дверном проеме.

– Как поработала, Нора? – спросила Элис.

– Никто не утонул.

В девять часов мы отправились на вечеринку. Рэйчел шла впереди, Элис и я шли сзади, держа друг дружку под руку. Моя сестра была в джинсовых шортах и свободной рубашке синего цвета. На ногах сандалии, завязывающиеся ремешками на лодыжках, браслет-веревочка на запястье, волосы свободно падали вниз на спину. Мы налили водки в баночки с кока-колой и на ходу отпивали по глоточку. Видимо, весь алкоголь собрался в верхней половине банок, потому что, пока мы дошли до нужного нам дома, оказалось, что мы уже пьяны.

Когда мы прибыли на вечеринку, все гости уже обнимались друг с другом, включая и тех, кто официально встре-

чался. Рэйф сразу взял меня под руку и увлек на кухню, где я выпила сначала один стаканчик водки с колой, потом еще один.

Я потеряла Рэйчел. Мы играли в «Небывальщину», но правила толком никто не помнил, потом появилась Рэйчел из кухни и, протиснувшись между играющими, устроилась на диване. Я опустила голову ей на плечо, и запах от нее шел такой, будто она только что выкурила сигарету. Я подняла прядь ее волос, прижала к носу, глубоко вдохнула и выдохнула сквозь нее.

После этого волосы становятся особенно пушистыми.

Помню, как я вывалила кучу кубиков льда себе в чашку, потом опрокинула ее на пол и, стоя на коленях, одной рукой долго шарила под холодильником.

Потом приходили еще какие-то новые гости.

Я выпила еще один стаканчик водки с колой.

Рэйчел находилась на кухне. Она завязала волосы в пучок на макушке, пила холодную воду и беседовала с Рэйфом. Я хорошо помню ее высокие скулы и ярко-розовые губы.

Меня уже повело от усталости, и я начала наткаться на разные предметы. Потом я взобралась вверх по лестнице, и это показалось мне забавным, потому что при этом я почему-то не видела уже ничего ниже своих колен.

Я закрыла глаза. Потом оказалось, что уже наступило раннее утро, и кто-то навалился на меня. Это такое время, когда свет кажется неестественным, почти неоновым. Оказалось,

что я спала рядом с Элис на одноместной узенькой кровати.

– Нора, я собираюсь домой. Ты пойдешь со мной или останешься? – услышала я голос Рэйчел, которая положила мне ладонь на плечо.

– Останусь. – Я уютно устроила голову на плече Элис и снова заснула.

Дело в том, что тогда – в то утро – я даже и не посмотрела на нее. А потом мысленно представляла себе все это снова и снова. Я бы приподнялась на локте и принялась вертеть головой, чтобы увидеть ее. Лицо Рэйчел было бы бледным от неоновых светов, струящего с улицы, волосы чуть качнулись вперед.

– Ничего страшного, я пойду с тобой.

Глава 7

На следующее утро я отправляюсь по Кейл-стрит к каналу. Дорога туда длиной в двадцать километров, и я планирую пройти как можно дальше, чтобы проветриться и освежить мысли в голове. Вчера вечером, еще в «Изумрудных воротах», я спросила Льюиса:

– Вы собираетесь найти его?

– Да, – ответил он. Он, возможно, уже в Снейте. Не могу себе даже представить, на что могут быть похожи поиски этого человека спустя пятнадцать лет. Это было сложно даже тогда, сразу после нападения.

Я ныряю в дырку через живую изгородь и появляюсь уже возле канала, на той части тропы, куда люди приводят на выгул своих собак после работы или на выходные. Мое сердце замирает. Три недели назад мы с Рэйчел приводили сюда Фенно. По очереди бросали ему теннисный мячик, вытирая потом руки о джинсы. Когда со стороны Кейл-стрит здесь появилась собака породы португальская водяная, Рэйчел согнулась пополам, хохоча над реакцией Фенно.

Когда он изогнулся, чтобы поприветствовать вновь прибывшую собаку, Рэйчел принялась утирать слезы, ее губы напоминали полумесяц.

– Он весь буквально трепещет от счастья, – сказала я.

– Вижу, – кивнула она. – Сама вижу.

Рэйчел подобрала себе собаку для охраны. Она купила пса пять лет назад, вскоре после того, как переехала сюда. Льюис считает, что она не чувствовала себя в безопасности, потому как жила одна в сельской местности. Здесь все более уязвимы, нежели в Лондоне. Может быть, Рэйчел думала, что он отыщет ее.

Я иду вдоль канала, удаляясь от города. Тот огонь, который всегда есть в моей душе, вдруг разгорается. Я ничего не слышу, но не замечаю этого, пока не дохожу до конца поселка. И только тогда до меня доходит, что мои ботинки жутко скрипят с самого начала моего сегодняшнего путешествия.

Я прохожу между фермами, а пламя уже охватывает меня целиком. Ярость не проходит. Километра через три останавливаюсь и плачу, закрывая лицо ладонями. Падаю на колени. И даже теперь, когда мои ноги прижаты к замерзшей земле, я все еще горю, и огонь безжалостно сжигает меня изнутри.

На обратном пути я прохожу ореховую рощу и за очередным поворотом на тропе замечаю чей-то силуэт.

Подходя ближе, понимаю, что это мужчина в длинном пальто. На поводке у него стаффордширский бультерьер, что кажется странным. Большинство людей на канале отпускают собак побегать. Когда мы сближаемся, собака рысью подбегает ко мне, чтобы познакомиться, тянет за собой и хозяина. Мужчина улыбается. Он лысый, с волевым подбородком и плоским носом, как у боксера.

– Это Бренди, – говорит он.

Я протягиваю собаке руку, чтобы она обнюхала мою ладонь. Она тычется в меня прохладным мокрым носом, и меня пронзает острая боль в сердце. Я чешу ей за ушами, она морщится от удовольствия и активно виляет хвостом вправо-влево. И хотя сейчас не жарко, мне почему-то кажется, что собака вспотела, и я словно вижу розовую кожу между складками на ее шкуре.

У незнакомца нет перчаток, рука, которой он держит поводок, красная и обветренная. Под пальто бугром чуть выступает живот.

– Милая девочка, – говорю я собаке. Она смотрит на меня с вниманием, свойственным всем бультерьерам, и мне уже интересно, если бы сейчас он напал на меня, на кого бы набросилась собака – на меня или на него.

Где-то с поля донеслось воронье карканье. Он поворачивается на звук, и в этот момент я переворачиваю брелок, висящий на ошейнике. Там написано: «Дентон». Он живет на Брей-лейн, рядом со зданием муниципалитета. Не могу сказать, заметил ли он, что я успела прочесть надпись.

– Она от вас убегает? – спрашиваю я, указывая на поводок.

– Нет, – отвечает он. – Как-то раз один мой знакомый спустил свою стаффку с поводка, и сосед ее застрелил.

Собака нюхает мое запястье, глаза у нее широко открыты и чуточку косят.

– Но их же использовали как собак-нянек, – напоминаю я.

– Я знаю. Мой приятель то же самое говорил в полиции. Застрелившему собаку вообще ничего за это не было. Ему даже предупреждения не сделали.

Я вижу зерноуборочный комбайн на поле рядом с нами и только теперь понимаю, как далеко от города нахожусь. В полутора километрах, наверное.

– А вы Нора? – спрашивает мужчина. Но мы раньше с ним никогда не виделись. У него морщинистый лоб и коротко стриженные седые волосы.

– Да.

– Мы здесь, бывало, встречались с Рэйчел, – поясняет он. – Не могу в это поверить.

Собака настораживается. Я оборачиваюсь и осматриваю дорогу позади себя, но она пуста.

– Я видел ее в утро того самого дня, – говорит мужчина.

Во рту у меня мгновенно пересыхает. Рукав у его запястья чуть порван. Неужели это сделала моя сестра?

– А где?

– У нее дома. Там в ванной началась протечка и продолжалась несколько дней до того, как Рэйчел заметила. Я обнаружил огромную трещину в потолке.

Я выпрямляюсь. Мы одни среди пустых сжатых полей. Я вижу, как он покрасневшей рукой крутит поводок.

– И она позвала вас?

– Я водопроводчик. Если у вас будут какие-то проблемы в доме или просто понадобится помощь, дайте мне знать, –

говорит он. Пальто у него застегнуто на молнию до самого подбородка, на виду только голова и руки. Я пытаюсь отыскать царапины или синяки, но если таковые у него и имеются, то сейчас их скрывает одежда. – У меня в прошлом году умерла мама. Дел разных полно, но всегда буду рад помочь.

Мужчина уходит. Я направляюсь в сторону Марлоу, но когда он скрывается из виду, перехожу на бег.

Мой телефон не ловит сеть, пока я не оказываюсь на Кейл-стрит.

– Вы уже опрашивали человека по фамилии Дентон?

– Да, – говорит Моретти. – Кита Дентона.

Я не была уверена, что он признается мне в этом. Мне казалось, допросы детективов – информация конфиденциальная, и теперь я задумываюсь над тем, а говорил ли он Дентону о беседе со мной.

– Он был у Рэйчел в доме в пятницу.

– Я знаю. Кое-кто из ее соседей заметил фургон Дентона. Мы допросили его в участке в субботу.

– Почему же вы его отпустили?

– У нас не было оснований для его задержания. Наши сотрудники пока продолжают исследовать фургон, а ему рекомендовали оставаться в городе.

– А вы проверяли, у него нет на теле никаких повреждений? – У Рэйчел были раны, которые она могла получить, обороняясь от нападающего, а собаку специально дрессиро-

вали на охрану. Пес бы непременно попытался защитить хозяйку.

– Мы не нашли никаких улик, чтобы можно было предъявить Дентону обвинение. Если верить его словам, Рэйчел была жива и здорова, когда он уходил из ее дома.

– А где он находился с трех до четырех часов?

– Отдыхал.

– Где?

– В своем собственном фургоне возле пруда. Перед этим он ночью работал в Кидлингтоне.

– Его кто-нибудь там видел?

– Слова Дентона подтверждаются и свидетельскими показаниями, и результатами, полученными с системы видеонаблюдения.

Видимо, детектив что-то выигрывал, делясь со мной подобной информацией. Наверное, это какая-то особая техника. Скорее всего, он считает, что поможет мне напрячь память и вспомнить нечто существенное. Например, то, что Рэйчел именно возле пруда встречалась со своими любовниками или этот пруд имел какое-то другое, но все равно достаточно важное значение в ее жизни.

– Это именно он следил за ней с холмов?

– Нора, это мне еще не известно. Мы будем знать гораздо больше, когда получим результаты из лаборатории.

Ночная центральная улица кажется мне неестественно

красивой и людной, и меня охватывает дрожь облегчения от одного осознания, что я больше не стою с ним один на один.

На ветру призывно хлопает навес «Рук мельника». Легкая дымка застилает окна библиотеки. На улице я замечаю с десяток пешеходов. Одна женщина, темноволосая, с голубыми глазами удивительной красоты, неожиданно останавливается возле меня.

– Нора, примите мои соболезнования по поводу вашей сестры.

– Вы работаете в больнице? – интересуюсь я.

Она отрицательно качает головой.

– Не хотите выпить по чашечке чая?

Женщина улыбается и сжимает мне руку у локтя. У меня возникает такое чувство, что теперь многие будут стараться найти меня. Мы идем в «Руки мельника». Она ставит передо мной чай и одаривает ободряющей улыбкой. Я погружаюсь в кресло, и мне становится легче от того, что у меня появилась компания, причем настолько дружелюбная.

Возможно, я только что встречалась с убийцей. Осознание этого продолжает меня тревожить. Проходит всего несколько минут, и вот я уже здесь, в тепле и полной безопасности.

Я была тут раньше всего один раз. Напиток мой оказался бледным, маслянистым, а на его поверхности растекалось лиловое пятно. Это меня буквально привело в восторг.

– Что за черт! – нахмурилась Рэйчел. Потом ей подали рыбный пирог, а у него из корки торчала одинокая крабья

клешня в синюю и красную крапинку, и это ее немного развеселило.

– Смотри, красное и синее, а вместе тоже лиловое получится, да? – удивилась я и тут же сама ответила: – Определенно, нет.

– Простите, – говорю я на этот раз своей соседке. – Я не помню, как вас зовут.

Она ставит чашку на блюдце, и этот звон от ее неловкости кажется мне каким-то до умиления домашним.

– Сара Коллиер. Я работаю в «Телеграф».

Немного повертевшись и чуть не заработав при этом головокружение, я обращаю внимание на то, что многие посетители паба внимательно смотрят на нас. Я встаю и покидаю свое место.

Сара подбегает ко мне уже на улице. Она оставила пальто внутри и теперь стоит, дрожа, в одном джемпере кремового цвета, засунув руки под мышки.

– Я не собираюсь задавать вам никаких вопросов. Просто если вы сами вдруг захотите поговорить, то я всегда готова.

– Я не беседую с представителями прессы.

– Это Алистер Моретти велел вам так отвечать? – интересуется газетчица. – Но вам совсем не обязательно прислушиваться к каждому его слову.

Мне не хочется, чтобы Сара знала, где именно я остановилась, поэтому я направляюсь к зданию муниципалитета. Когда я оглядываюсь, то вижу, как за ней закрывается пока-

чивающаяся дверь в «Руки мельника». Я иду мимо муниципалитета, сворачиваю на Солт-Милл-лейн. У дороги я вижу мемориал, и первая моя мысль о том, что его соорудили в память о Рэйчел. Я невольно прижимаю ладонь к губам. Тут горят свечи, разложены свежесрезанные бледные цветы. Потом я замечаю футбольную майку, прикрепленную к ограде, и табличку, на которой крупно написано «Каллум».

Маленький заблокированный домик за забором, похоже, пустует. Рэйчел рассказывала мне, что Каллум умер в сентябре, а его семья до сих пор не успела продать дом. Я жду, когда переулок опустеет, потом опускаюсь на корточки, чтобы прочитать надписи на разных карточках. Сообщения, написанные на них от руки, говорят о том, каким горем охвачены души этих людей, как они страдают. Во многих Каллум описан как герой. Либо никто его не знал, либо тем, кто знал, было на это наплевать.

Глава 8

Я перехожу центральную улицу и тут замечаю, что Льюис беседует со старичком – владельцем газетного киоска. Я жду, когда он подойдет ко мне.

– Это подозреваемый?

– Нет.

Из киоска Джайлзу открывается прекрасный вид на железнодорожный вокзал. Если верить Рэйчел, Джайлз известный городской сплетник. Его киоск работает допоздна, когда все остальные заведения на центральной улице уже закрыты, и он знает буквально всех в городе. Люди ему доверяют. Джайлз справляется об их болезнях, беременностях, разводах. До смешного доходило, как я помню, он даже был в курсе моего разрыва с Лиамом. Вытянул из меня всю информацию за какие-то две минуты, пока я покупала у него в киоске газету и бутылку минералки, когда приезжала сюда в мае.

Я оцениваю вид из киоска Джайлза – вокзал хорошо освещен фонарями, подвешенными на крюках на высоких столбах. Потом иду вслед за Льюисом по центральной улице. Возле здания муниципалитета мы отыскиваем свободную скамейку. На церковном кладбище я замечаю священника в черном одеянии. Над ним ярусами поднимается листоватый вяз, будто пытается спрятать его в свою крону.

– Интересно, англиканские священники выслушивают ис-

поведи? – интересуюсь я.

– Нет, формально нет. У них не так, как у католиков. Но даже если бы и выслушивали, ничего хорошего из этого бы для нас не получилось. Они и так нам никогда ничего не рассказывают.

Священник поднимается по ступенькам в церковь. На мгновение мне кажется, что он смотрит на нас, потом он хватается за большие кольца на дверях, тянет за них и закрывает вход.

– Ему всегда приходится делать это именно так? – удивляется Льюис. – Разве не проще сначала затворить одну половину, а потом другую?

Я пристально гляжу на витражи над входом в церковь. На другой стороне улицы порывы ветра сквозь ряд тисов воют так, как будто где-то раздается морская сирена. Затем ветер усиливается, и вот мне уже кажется, будто я стою на прибрежной полосе в Эдинбурге, рядом с университетом, где когда-то училась.

– Два года назад некий Эндрю Хили напал на девочку-подростка в Уитли, – докладывает Льюис. – Это в восьми километрах от Снейта. Рэйчел писала ему письмо с просьбой навестить его в тюрьме. Эндрю дал свое согласие, и в марте их встреча состоялась.

– Это оказался он?

– Нет. Хили был осужден за наркотики и отсиживал срок в то самое лето, когда было совершено нападение на Рэйчел.

– Может быть, он сумел на время каким-то образом незаметно покинуть камеру?

– Это надежная тюрьма высшего класса. В день преступления он дежурил по кухне. И если бы кто-то в то время отсутствовал, на этот счет обязательно должна была остаться запись.

– Рэйчел об этом было известно?

– Хили говорит, что объяснил ей, почему это никак не мог быть именно он. Рэйчел беседовала с его адвокатом, и тот подтвердил даты и сроки заключения своего подопечного.

– Куда она приезжала на свидание?

– Эта тюрьма расположена под Бристолем.

Мне кажется, Льюиса что-то смущает и беспокоит. Рэйчел даже не попросила меня поехать с ней и подождать ее в машине. Она даже не сообщила о том, что писала ему.

– Скажите, Рэйчел когда-нибудь говорила о том, что хочет разыскать своего обидчика? – спрашивает Льюис.

– Она говорила, что прекратила этим заниматься. И еще она сказала мне, будто вообще хочет забыть о том, что это когда-то происходило.

Разумеется, именно это она и могла мне сказать. В течение долгих лет я умоляла ее прекратить поиски, и, видимо, настал такой момент, когда ей было проще солгать, чем опять продолжать споры.

Льюис задает еще один вопрос:

– Когда это случилось?

– Пять лет назад. Вы его подозреваете?

– Нет. Хили до сих пор сидит в тюрьме.

В «Охотниках» я исследую ее маршрут от дома до тюрьмы. Я представляю себе, как Рэйчел находится в комнате для свиданий, как туда гуськом начинают заходить осужденные. Я не знаю, о чем она там собиралась говорить. Какие обвинения готовилась предъявить. Думаю, Рэйчел не стала бы допытываться, почему он так поступил. Я однажды спросила ее об этом, а она только рассмеялась мне в лицо и сказала: «Ему не нужны никакие причины». Она не хотела встречаться с ним, чтобы лучше понять, из-за чего это произошло. Рэйчел хотела наказать его.

Однажды она даже поведала мне о том, как можно отомстить. Она станет переписываться с другими осужденными и постепенно завоюет их доверие. Потом, на свидании, упомянет их имена и скажет, на что они готовы пойти ради нее.

Я не знаю, как далеко она зашла в осуществлении своего плана. И способна ли она была подговорить одного заключенного напасть на другого. Я лично сомневаюсь в этом, но желаемый эффект был именно таким.

Итак, это был не он. Не Эндрю Хили. Вероятно, они были внешне чем-то похожи, хотя звонок к его адвокату достаточно для подтверждения слов Хили. И все же Рэйчел могла продолжать угрожать ему. И хотя он напал не на нее, но все же жертва была, как и преступление. Я почти вижу, как она

возвращается к своей машине, крепко обхватив себя руками, на лице написана нескрываемая ярость.

Она, скорее всего, остановилась в Бристоле, чтобы выпить немного. Даже само место я представляю отчетливо: это бар со знакомым названием, такие она посещает в Лондоне и Бате. Например, это мог быть «Слаг энд Леттук» или нечто подобное. У нее в то время все еще продолжали вертеться в голове разные планы, и она выпила слишком много, чтобы снова садиться за руль и ехать домой. В этом я настолько убеждена, что начинаю обзванивать все гостиницы среднего уровня в центре Бристоля.

– Здравствуйте, вам звонит Рэйчел Лоренс. Я хотела бы забронировать у вас тот же номер, в котором останавливалась в прошлый раз. Посмотрите, пожалуйста, это возможно?

Как только я слышу в ответ, что в книге записей нет никакой Рэйчел Лоренс, я сразу вешаю трубку и набираю следующий номер. Наконец в ответ я слышу: «Комната номер двенадцать».

Я спрашиваю, сколько это будет стоить.

– Мне кажется, это дороже, чем в прошлый раз. Цена за весь уикенд?

– Цена за номер восьмого марта также составила девяносто пять фунтов.

Я так и сияю от гордости. Я всегда знала ее гораздо лучше, чем все остальные.

Глава 9

– Нора, – сказала Рэйчел, – ты пойдешь со мной или останешься?

– Останусь. – И я тут же опять заснула. Рэйчел легкой походкой спустилась по ступенькам. Внизу она попрощалась с Рэйфом и теми, кто еще не спал, потом открыла входную дверь, впуская в дом летний воздух. Солнце еще не встало, но прогретая мостовая оставалась теплой всю ночь.

Рэйчел рассказала мне эту историю только один раз, полагая, что я запомню все в деталях и ей больше никогда не придется повторять свой рассказ.

Она шла вперед, а сандалии несла в руке. Чуть позже она выяснит, когда в тот день был рассвет, и подсчитает, что из дома Рэйфа вышла вскоре после того, как часы пробили пять. Небо было удивительным и неестественно голубым. Очень скоро сестра наступила на острый камешек и решила снова надеть сандалии. Ей казалось, эта деталь очень важна. Рэйчел все описывала в мелочах. Я не думаю, что она обулась потому, что почувствовала – ей в то утро придется бежать.

Она говорила, что испытывала тогда бурный прилив счастья. Вместо возвращения домой она решила отправиться к реке и встретить там рассвет. Рэйчел говорила, что ей даже стало жалко тех, кто спит у себя дома, ведь ее жизнь гораздо лучше и, в отличие от них, она полна энергии.

Она добралась до микрорайона муниципальной застройки, представлявшего собой ряды одинаковых белых домиков, половина из которых пустовала.

Внезапно появился мужчина. Он шел между двух домов по направлению к дороге. Сестра заметила его краем глаза, когда пересекала границу лужайки. Обернувшись, она увидела, что мужчины позади нет, и подумала, что он зашел в один из домов.

Затем он появился уже на расстоянии двух домов впереди нее. Наверное, выбрал короткий путь и обогнал ее, шагая прямо по лужайкам. Рэйчел занервничала. Она никак не могла решить, что лучше: продолжать двигаться домой или развернуться и броситься назад в город.

Мужчина продолжал идти по лужайкам, потом ступил на дорогу. Он не посмотрел на Рэйчел, которая застыла в нескольких метрах от него.

Мужчина начал удаляться от девушки, двигаясь в том же направлении, что и она. Когда расстояние между ними увеличилось до пяти метров, Рэйчел осторожно шагнула вперед. Ей нравилось то, что он идет впереди. Это добавляло чувства безопасности. Сестра решила не бежать, ей показалось, что будет лучше, если останется возможность видеть, где идет этот мужчина.

Весь остальной путь домой она будет находиться в пределах слышимости обитателей домиков. Если что-то случится, кто-нибудь обратит внимание на шум и обязательно выйдет

посмотреть. А если взять и побежать, он нагонит ее где-нибудь на участке между городом и застройкой, в полях, там, где нет ни единой живой души.

Сохраняя прежнюю дистанцию, Рэйчел прошла еще с полквартала.

Но тут мужчина резко развернулся и направился к ней. Шел он как-то странно, поднявшись высоко на цыпочки, очень мелкими шажками. Она начала громко кричать на него, но мужчина, полушагая, полупрыгая, приблизился к ней вплотную.

Сестра хотела испугать его. Кто-то ей говорил про это, нам всем когда-то говорили про это. Устрой сцену, привлеки внимание, создай ему дополнительные сложности, и тогда он оставит тебя в покое.

Но на мужчину ничто не подействовало. Оказавшись достаточно близко, он схватил ее рукой за горло и прижал к земле. Потом встал на колени рядом, закрывая одной ногой пах. Рукой продолжая держать ее за горло, он принялся бить Рэйчел в живот, грудь и лицо. Сестра пыталась отбиваться и царапаться. Когда он наклонился над ней пониже, попыталась врезать ему кулаком в горло, но тот увернулся, и удар пришелся под нижнюю челюсть. Мужчина перехватил ее руку прямо в воздухе и сунул себе под колено. Потом он стукнул Рэйчел головой об асфальт, и у нее на волосах выступила кровь.

Он продолжал бить ее в живот и в лицо. Потом встал, вы-

прямился, поднялся на цыпочки и взглянул на нее сверху. Рэйчел закрывала руками влажную от крови голову.

Она пыталась лежать смирно, но тело ее извивалось в судорогах. Когда приступ прекратился, встала на четвереньки, потом поднялась на ноги, и земля пошла перед ней колесом. Рэйчел направилась в обратную сторону, потому что, если бы пошла вперед, мужчина обязательно появился бы снова из-за домов, припрыгал бы к ней своей странной походкой и опять пригвоздил бы к земле.

Рэйчел едва переставляла ноги. Левая рука была сломана, и она прижимала ее к груди. По пути то и дело поглядывала в промежутки между домиками. Сейчас она слышала только свое дыхание, быстрое и неровное, накачивающее воздух в изнывающую от боли грудь.

Глава 10

То, что случилось в доме Рэйчел в пятницу, никак не сказалось на соседях и на окружающей местности. Все осталось по-прежнему: и дом профессора через улицу, и соседка, разъезжающая верхом, и старые вязы, и автомобиль на подъездной дорожке к дому.

Это особенно непонятно. В деревне были люди, десятки людей, буквально в километре от того места, где ее убили. Но когда я приехала, в городке царила тишина, как будто уже начался снегопад. Я увидела, как какая-то женщина выходит из библиотеки с огромной стопкой книг в руках. Мужчина смотрел на пирожные в витрине кондитерской. Вот один из деревенских служащих берет пачку бумаг с сиденья и выбирается из своего фургончика. Водители ловко маневрировали по улочкам, одновременно прислушиваясь к прогнозу погоды. Получалось, что нечто ужасное неизбежно должно было произойти в доме Рэйчел и перевернуть в нем все верх дном. При этом остальной город оказался вовсе не тронут злом.

Это необъяснимо, но нужно принять во внимание, что подобное происходило и раньше. И опять же – весь город цел и невредим, и только на нее одну обрушился злой рок.

Глава 11

– Рэйчел когда-нибудь принимала лекарства из-за психического заболевания? – интересуется Моретти. Сейчас утро вторника, и в оперативной комнате по другую сторону двери полно людей. Оттуда и появляется Моретти. Он выглядит расслабленным, и от этого у меня создается впечатление, что расследование движется в нужную сторону.

– Нет.

– А вы сами?

– Да.

– По какому поводу?

– Из-за депрессии. Я пропила курс веллбутрина в июне.

Меня тогда все это здорово затронуло. Конец моих отношений плюс другие потери. Когда я увидела себя в зеркале, я выглядела затравленной. Я испытывала постоянную усталость, и меня мучили частые панические атаки, которые начинались в самых безобидных местах – в кондитерской, в музее, в розовом саду Риджентс-парка.

– Вы до сих пор принимаете его?

– Нет. Закончила еще в октябре.

– По рекомендации вашего психолога?

– Она сказала, что решение за мной. – После Корнуолла мне стало лучше. Я сильно изменилась с момента моего первого визита в кабинет к психологу.

– Почему Рэйчел не выходила замуж?

– У нее были в приоритете другие ценности. А вы сами почему не женаты?

– Я в разводе, – говорит Моретти, как будто это и есть ответ на мой вопрос. – Звучит так, будто Рэйчел считали скучной женщиной.

– А мне это в ней нравилось.

Он улыбается, и у меня возникает такое чувство, что Моретти согласен со мной и одновременно может понять Рэйчел. Теперь она имеет для него большее значение, нежели остальные.

Глава 12

– Прости. Я так жалею, что не пошла с тобой!

– Не надо извиняться, – сказала она. Потом опустила голову и вытащила свой браслет-веревочку из-под манжеты больничной пижамы. Светлая золотистая соломка теперь стала какой-то корявой и приобрела цвет ржавчины, и Рэйчел попыталась сорвать браслет зубами.

Когда я в первый раз увидела ее, то сразу расплакалась, и Рэйчел удивленно склонила голову набок. Веки ее так распухли, что мне поначалу показалось, что глаза закрыты и она спит. Ее вид так испугал меня, как будто страшнее всего было само лицо избитой девочки, а вовсе не то, что с ней произошло.

Кроме того, что лицо ее чудовищно распухло, еще и кожа приобрела ярко-красный оттенок. Губы казались в два раза больше, чем были на самом деле, словно она нарочно раскрасила их губной помадой, умышленно размазывая ее по щекам и подбородку, а оба глаза заплыли и спрятались за иссиня-черными мешками фингалов. Кто-то успел расчесать ей волосы, оставив на коже головы ровные дорожки из зубьев гребешка. Швы на щеке и лбу покрывала жирная мазь. Одна рука была заботливо укутана в гипсовую повязку и покоилась у нее на груди.

Мы находились в больнице в Селби, в десяти километрах

от Снейта.

– Как ты сюда попала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.